

Илья Подольский

Секретные ФАЙЛЫ

ОГНЕННАЯ
ПЕЧАТЬ

Илья Андреевич Подольский

Огненная печать

Серия «Секретные файлы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5963256
Огненная печать: Повесть: Эксмо; Москва; 2002
ISBN 5-04-088214-9

Аннотация

Ни жива ни мертва от изумления и страха вглядывается Ева в таинственный отпечаток на своей руке. Неужели это пламенеющее изображение фантастической птицы оставил древний серебряный браслет, неожиданный-негаданный подарок от пожилого чудака-профессора? «Если так, то мне достался амулет, обладающий магической силой!» – с трудом веря самой себе, заключает Ева и... обретает дар ясновидения. «Что же это: благо или зло? Кто он – тот загадочный старик, подаривший мне браслет? И главное, что мне теперь делать?!» – растерянно спрашивает себя Ева и получает странное письмо от человека без имени...

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	21
Глава IV	32
Глава V	44
Глава VI	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Илья Подольский

Огненная печать

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 2002

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Пришельцы с востока

Северные горы. Средневековый замок

На западе, за темным и бездонным горизонтом, будто полыхающий колокол, тонуло солнце. Долорес и Альфредо уже завершали таинство. Они, окруженные величием северных гор, стояли на самой высокой башне своего замка, но неземные взгляды их были устремлены на закат. С каждым мгновением купол солнца все больше погружался в бездну ночи. Свежий горный ветер слегка колыхал длинные колдовские волосы Долорес. Чародеям нужно было торопиться: магический поток знаний прекращался, как только светило становилось недоступным их зрению.

Лицо Альфредо вдруг приняло грозный вид, свойственный древним воинам, доблестно сражавшимся за свои земли. Что узрел великий алхимик в этом таинстве? Какая неизвестная опасность заставила его стать столь мрачным, что пронизательная Долорес в тревоге обратила на него свой взор?

Закатные лучи, будто пламенные птицы, распластались по небосводу. Это значило, что Хранители теперь осведомлены о мировом порядке, сложившемся за этот земной день. Ибо они знали, что день за днем судьбы планеты меняют свое ис-

течение.

– О, друг мой вечный! – проводив солнце, сказала Долорес. – Я вижу твое странное беспокойство, но не могу понять причину.

– Разве ты, Долорес, не ведаешь сейчас, что с Востока, в сторону нашего замка, направляются два человека, – проговорил в ответ Альфредо, все так же хмуро вглядываясь в темные небеса.

Колдунья закрыла глаза, и тотчас пред нею возникло видение.

– Это всадник и всадница, и кони их так сильны и прекрасны, что к рассвету они достигнут нашего замка, – узрела Долорес.

– Но почему мы не можем узнать цель, с которой эти странники хотят нас посетить? – сурово спросил алхимик. Он уже много веков обладал способностью предвидеть любые опасности, им грозящие. Но теперь, когда всадники неизбежно приближались, Альфредо негодовал.

– Они сами сообщат нам о своих намерениях, – решила Долорес и покинула башню. Алхимик вошел в опочивальню замка вслед за ней.

Прошли часы. В широком зале, где хозяева принимали гостей, на лоск старинного паркета медленно выползала узкая и настойчиво прямая полоска утренней зари. Рассвет. Чародеи были уже готовы встретить нежданных странников.

Громоздкие ворота замка тяжело задвигались и стали от-

крываться с неумолимым древним скрежетом. Сначала въехала всадница, за ней, спрыгнув с коня, вошел мужчина. Их богатые одежды поблескивали в лучах солнца, высоко вошедшего на востоке. Лицо женщины было скрыто за мягкой кашемировой тканью, и посторонний смог бы увидеть лишь блестящие черные глаза, которые спокойно и пристально оглядывали стены замка. Странники молча поднимались по слабо освещенной каменной лестнице, спиралью уводящей в верхние покои замка.

– Добро пожаловать в нашу страну! – гордо, но радушно поприветствовала Долорес мужчину и женщину, вошедших в зал. – Как звать вас?

– Я – Лейла, – сказала женщина. – Владычица тюльпановых окраин.

– Меня зовите Эль-Хан, – строго произнес мужчина. – Я – витязь, одолевший свирепого Дракона.

– Вы прибыли с Востока, и ваши речи загадочны, – выслушав их, сказал Альфредо. – Мысль моя не может проникнуть в ваши помыслы. Вы перед нами, будто закрытая книга. Скажите, что привело вас в эти Северные земли, владельцы коих – мы, Долорес и Альфредо.

– Для начала, – стал говорить витязь, – я попрошу у вас немного огня – здешний воздух кристально чист, но холоден.

Долорес хлопнула в ладони, и в большом, почти величавом камине вспыхнуло пламя. Лейла сняла верхнюю одежду, открыла лицо и подошла ближе к огню. Роскошь ее парчово-

го, искусно расшитого серебряными нитями халата и блеск драгоценных украшений в старинном мраке замка затихали, словно восточные звезды, исчезающие с рассветом. Лейла взглянула на Эль-Хана, и он продолжил начатую речь:

– Наш путь был долог, и все это время мы лишь догадывались о вашем существовании. Мы назначили себя Хранителями Южных и Восточных стран, и, чтобы сохранить за собой эту благодатную власть, мы должны были отыскать своего преемника в этом мире.

– Мы уважаем ваш выбор, сделанный в пользу Добра, – холодно сказала колдунья. – Однако есть границы: вам предназначены одни земли, нам – другие.

– Долорес права, – добавил алхимик. – Соблюдение границ – это основа порядка.

– Мы не посягаем на порядок, – тут же горячо произнесла Лейла. – В поисках преемника нам пришлось проследить за вами. Ответственность пока не позволяет мне и Эль-Хану совершать опрометчивых поступков. Нам нужны испытанные средства, и вы их можете нам указать.

Долорес и Альфредо, посмотрев друг на друга, поняли, что их ответ должен быть либо «да», либо «нет».

– Дети, которые стали избранныками Хранителей, – снова заговорил витязь, – достойны того, чтобы мы могли обучить их нашим способностям. Но нам также известно, что у земного дитяти не все способности развиваются одинаково...

– Более того, – строго перебил витязя алхимик, – возмож-

но, что они не развиваются вовсе, и земное дитя не перенимает этот высший дар.

– Мы готовы пойти на риск, – мужественно сказала Лейла.

– О! Это безумие! – воскликнул Альфредо. – Все может обернуться против нас. Если ребенка посвятить в Надземное, то великие знания станут доступными для наших врагов.

– Мы вместе проследим, чтобы этого не случилось, – успокоил его Эль-Хан.

Все четыре странных собеседника внимательно прислушивались к словам и помыслам друг друга. Долорес и Альфредо уже предчувствовали, что им придется договориться и в обоюдном согласии все-таки осуществить задуманное пришельцами с Востока.

– Какой способностью вы желаете наделить земное дитя? – спросила Долорес.

– Это пока неизвестно, – ответила Лейла, втайне радуясь тому, что им удалось склонить на свою сторону Хранителей Северных земель. Она улыбнулась витязю, и тот сказал за нее:

– Точно так же, как неизвестно, какой цветок произрастет из семени, посаженного в нетронутую почву.

– Что ж, – гостеприимным тоном проговорил Альфредо, – ваше неожиданное прибытие становится приятным и почетным для нас, и прошу вас в полной мере насладиться очарованием нашего замка. Но не заблуждаюсь ли я вот в чем...

Долорес и алхимик пригласили странников за стол, кото-

рый по велению колдуньи был уже заставлен прекрасными яствами, услаждавшими самые прихотливые взгляды и вкусы.

— Мысль моя в сомнении от того, что непонятно, каким образом будут распределены наши полномочия, — договорил Альфредо, когда они уселись за стол. Эль-Хан пояснил:

— Честь уже в том, что вы позволили нам обратиться к вашим избранникам.

— Значит, мы должны дать волю и стать простыми наблюдателями? — с лукавством предположила колдунья.

— Простота вам не грозит, — польстила Лейла самолюбию Долорес. — Вы вправе не давать своей воли.

— Ты хитра, Владычица тюльпановых окраин, — с коварной улыбкой сказала Долорес.

— Может быть, — улыбнулась Лейла, — я лишь узор на воде. Между ними на несколько мгновений воцарилось молчание, которое нарушил голос Альфредо:

— Нам, насколько это возможно, ясны ваши намерения. И единственным пожеланием будет лишь знание о каждом вашем шаге.

Эль-Хан и Лейла посмотрели друг другу в глаза, после чего витязь сообщил, что это условие их не станет стеснять.

Восточные Хранители пробыли в Северных странах весь день, а на закате снова отправились в свой долгий путь, незримый для простых смертных...

Глава II

Подарок

Интересно, сами люди знают то, чего они ждут от магии? Я задала этот вопрос, как всегда, в пустоту своего непонимания. Да, многое в этом мире мне непонятно.

– Ева! – услышала я нервный голос мамы. – Нам пора!

Вот, например, сейчас. Зачем мама требует, чтобы я вместе с ней поехала к самой противной на всем белом свете тетке? Но все мои намеки на то, что Софья Харитоновна имеет обыкновение недолюбливать меня, были тщетны, и мама тоном тюремной надзирательницы требовала, чтобы я вместе с ней отправилась на день рождения ее тетки.

До района, где Софья Харитоновна проживала, следовало добираться на двух автобусах, что занимало два часа, не менее. Что ж, два часа для всяких мыслей, думаю, вполне достаточно. Неназойливое сентябрьское тепло сегодня разбавилось хорошим дождичком. Улицы по-настоящему пахли летом, особенно когда к чистому, мокрому асфальту прилипали сорванные ветром и еще зеленые листья.

Итак, о чем я там сама себя спросила? Боже, какой ужас! Я говорю сама с собой. Надеюсь, сестра все-таки приедет через неделю. Юля – просто удивительно счастливый человек! Живет в Москве и навещает нас раз в полгода. Хорошо, что

мы скоро увидимся – будет с кем поговорить.

– Ева, – наставительно сказала мама, когда мы уселись в автобус, – я попрошу тебя быть вежливой с тетей Соней. А если это невозможно, то хотя бы поменьше говори.

Я утвердительно кивнула головой. В самом деле, я болтлива и люблю высказывать свое мнение. «Лучшие» друзья моих родителей уже пророчат мне поступление в Литературный институт. Но меня тошнит от этих пророчеств.

Странно, как взрослым удастся планировать свою жизнь? У некоторых все расписано досконально. Сначала детский сад, потом школа, потом институт и так далее, пока вдруг их не осенит вывод, что вся их жизнь проживается напрасно. Думаю, за эту прозорливость Софья Харитоновна меня не любила. Но даю стопроцентную гарантию, что и она не такая уж деревянная, как кажется снаружи...

– А! – усмехнулась тетя Соня, встречая нас с мамой на пороге своего дореволюционного дома. – Вот и ветреная дочь Эгиоха!¹

– Софья Харитоновна, – тут же сказала я, – вы когда-нибудь перестанете так называть меня?!

– Ева! – строго посмотрела мне в глаза мама.

Мы вошли в дом, где к тому времени собрались всякие очень важные и «интересные» люди. Софье Харитоновне исполнилось шестьдесят лет, но она по-прежнему была модницей, к тому же кокеткой. Мама отправилась хлопотать на

¹ Одно из имен Зевса.

кухню, а я решила найти какое-нибудь укромное местечко в этом многокомнатном доме, похожем на лабиринт.

Через пятнадцать минут, когда оттремели первые и самые скучные тосты, я почувствовала себя как в той загадке, где без окон, без дверей полна горница людей. Словом, я выглядела среди этих праздных, но уже умудренных жизнью лиц как зеленый огурец. Хуже того, какой-то крайне заботливый профессор (вероятно, очередной новый знакомый тетки) положил в мою тарелку ненавистный салат «Оливье».

– Юная барышня, – обратился он ко мне тихим бархатным голосом, – отчего вы ничего не кушаете?

– Оттого, что не голодна, – старалась я казаться вежливым и воспитанным ребенком.

Профессор с каким-то странным любопытством посмотрел на мои руки. Наверное, он подумал, что во времена его молодости «юные барышни» не красили ногти в ярко-синий цвет. Что-то этот седобородый мужчина с хитрыми глазами начинал мало-помалу меня раздражать. Но я обещала маме помалкивать, поэтому сделала вид, будто мне абсолютно безразлично, что кто-то меня разглядывает. Худая дама с искусственными ресницами попросила профессора передать ей десертный ножичек, и тут я узнала, что зовут седобородого Александр Иванович. Знакомое имя у этого профессора.

– У вас очень интересные украшения, – сказал мне Александр Иванович, наливая в мой фужер апельсинового сока. – В каком они выполнены стиле, позвольте узнать?

О, как же мне хотелось съязвить! Не понимаю, почему в последнее время я, как говорит мама, всюду бросаю холодные ножи своей иронии. Моя мама очень любит образные выражения.

– Вам лучше знать, – покрутив на запястье индейские феньки, увильнула я от профессорского вопроса.

– Что ж, – улыбнулся Александр Иванович.

Худой дамой с искусственными ресницами была Элеонора Марковна, давняя подруга тети Сони. Элеонора Марковна сидела по соседству и, видимо, внимательно прислушивалась к тому, что говорил мне профессор. Пожалуй, она была заинтересована в Александре Ивановиче с того самого момента, когда Софья Харитоновна его всем представила в качестве дорогого и уважаемого гостя.

– Ах, не скромничайте, – пролепетала Элеонора Марковна, обратившись к профессору. – Вы всю жизнь провели в археологических экспедициях. Мне кажется, девочке будет весьма интересно узнать о ваших приключениях и находках.

«О нет, только не это», – с отчаянием подумала я в тот момент, когда она начала изошряться в словах, лишь бы Александр Иванович уделил ей немного своего внимания.

И вообще почему я оказалась на этих старческих посиделках? Какой злой дух внушил моей маме, чтобы она непременно меня сюда потащила?

Как я предполагала, Александр Иванович стал рассказывать о своих почти что крестовых походах за священными

предметами истории. Однако лучше бы он рассказывал о самих предметах, нежели о том, как тошно и трудно ему приходилось без финансовой поддержки государства. Короче говоря, я, отсидев за столом узаконенный этикетом срок, вырвалась на свободу.

На улице дождь возобновил свою песню, но уже в другом, более медленном ритме. Взяв чей-то черный и огромный зонт, я решила подышать. Свежий воздух показался дуновением рая по сравнению с тем, которым я только что дышала в доме. Там пахло всякой пищей и вином, а здесь...

Я глубоко вздохнула, и в голову пришла мысль, что вот так вот уже было: этот дождик, деревья, аромат... Выдохнула. Впрочем, со мною такое бывало не раз. Я слышала, что душа может заново рождаться.

За домом Софьи Харитоновны располагалась симпатичная аллея. Она мне давно нравилась. По бокам выложенной булыжником тропинки стояли навеки приросшие деревянные скульптуры, которые раньше были деревьями. Ничуть не безобразные, а даже сказочные фигуры изображали то богатыря, то красавицу. Но больше всего мне нравилась одна фантастическая птица с огромными, расправленными в застывшем полете крыльями. Я традиционно остановилась, чтобы ей полюбоваться. Если бы эта птица не была деревянной, я бы на ней улетела...

– Барышня, что спряталась под моим зонтом! – услышала я вдруг за спиной вкрадчивый голос Александра Ивановича.

– Прощу прощения. Вот, возьмите.

Он смотрел мне в глаза и не торопился забирать свое имущество.

– Ева, вы верите в магию? – совсем неожиданно спросил профессор. У меня даже сильнее забилося сердце, поскольку этот вопрос уже давно не дает мне спокойно жить.

– А, вы, наверное, волшебник! И на зонте вашем можно летать, – пошутила я, хотя мне вовсе не хотелось шутить.

– Если тебе, Ева, так угодно, то этот зонт – твой, – беззаботно сказал Александр Иванович.

– Почему вы задали такой вопрос? – удивилась я.

– Просто, – хитро улыбнулся он, – я хотел убедиться, что у тебя на него нет ответа. Ведь так?

Ну что я могла сказать, бедная школьница, этому профессору? Ошеломленные мысли метались в моей голове, как маленькие дикие звери. В самом деле, я ничего не могла ответить. И когда он скрылся за поворотом, мне показалось, что это был вовсе не тот Александр Иванович, который полчаса назад предлагал мне откусать премерзкий салат «Оливье».

Почему-то забыв о деревянной птице, я снова раскрыла подаренный мне зонт и в каком-то странном настроении побрела в дом. Юбилейный праздник Софьи Харитоновны, кажется, завершался. Элеонора Марковна, не удовлетворенная поведением профессора, вскоре скрылась в ванной комнате и, вернувшись оттуда уже без искусственных ресниц, стала подробно обсуждать недостатки холостяцкой жизни.

– Сонечка, – с какой-то злостью обратилась она к Софье Харитоновне, – ты меня прости, но мне безумно интересно знать, что подарил тебе этот...

– Сухарь?! – крикнул полненький мужчина с круглым и розовым лицом.

Позже я случайно узнала, что он уже много лет ухаживает за тетей, которая из жалости приглашает беднягу только на дни рождения. Все, конечно, проигнорировали его восклицание. Софья Харитоновна тем временем распаковывала подарок Александра Ивановича. Элеонора Марковна вся напрыглась в несказанном любопытстве. Перламутрово-фиолетовая коробочка была столь небольших размеров, что практичные умы тетиных подруг наверняка втайне предположили, что подарок скорее всего денежный.

– Ой, да тут, видимо, еще и инструкция по пользованию, – с иронией сказала Софья Харитоновна, вынув сперва из коробочки свернутую в трубочку записку.

– Ах, тетя, – положила руку на сердце мама, – неужели это признание в любви?!

– Нет, Леночка, – ответила тетя и стала читать вслух: – «Эту вещь я обнаружил при раскопках могильника в Нижнем Поволжье...»

Софья Харитоновна показала всем «эту вещь», достав широкий серебряный браслет. Я была в дальнем углу комнаты, но мне удалось разглядеть, что на браслете запечатлен какой-то рисунок. Все загудели, однако тетя по-учительски

немного повысила голос и продолжила читать:

«Браслет принадлежал молодой сарматской девушке и, пожалуй, имел древнее, сакральное значение».

– Я не устаю поражаться этой ученой сухости, – непонятно чему возразила Элеонора Марковна. – Он мог хотя бы приписать несколько пожеланий.

– На мой взгляд, – устало сказала Софья Харитоновна, – эта милая вещица похожа на детскую побрякушку. Надеюсь, Александр Иванович нисколько меня не осудит, если я подарю браслет Еве.

За эту медленно и высокомерно произнесенную тираду я готова была ее расцеловать.

– Не переживайте, – тут же протараторила Элеонора Марковна, – если хотите, я его у вас куплю. Ведь мне дико нравятся старинные вещи.

А вот за эти слова я готова была выдрать у этой сухощавой мадам ее последние ресницы. Мне было просто необходимо вмешаться в их беседу.

– Поздно! – всплеснула я руками, подошла к тете, и мне снова, второй раз за весь год захотелось ее поцеловать, а потом еще обнять. – Большое вам спасибо. Это самый чудесный подарок в моей жизни, тем более что он от тебя, тетя Соня.

Старушка, разумеется, расчувствовалась, особенно от того, что я на миг перестала называть ее Софьей Харитоновной, и с радостью надела мне на правую руку это необычное

и теперь самое дорогое для меня украшение. Элеонора Марковна завистливо поджала губы, после чего приняла равнодушный вид.

Поначалу было не по себе от того унижительного положения, в котором мне пришлось оказаться, чтобы прямо-таки выхватить прекрасный браслет из этих, как говорит моя мама, малоодухотворенных рук. Удивительно, но тетусhek даже не впечатлил тот факт, что украшение в древности принадлежало, быть может, самой красивой девушке всего сарматского племени. Наверное, они сочли подарок Александра Ивановича чем-то вроде шутки...

Вскоре гости разошлись. Мама и я к одиннадцати часам вечера перемыли всю посуду. Ох уж эти праздники!

Возвращение домой стало для меня в этот день сладостным явлением. За нами приехал папа. Он, как всегда всецело чем-то занятый, торопил маму, а она торопила меня. Мы спешно попрощались с Софьей Харитоновной и сели в папин автомобиль, который, набрав скорость, не церемонясь, стал обгонять другие машины, меланхолично колесившие по трассе.

На улице стемнело, и в салоне автомобиля мелькал свет встречных фар, мгновенно срывавшихся в уже совсем близкую ночь. Я в роскошном одиночестве расположилась на заднем сиденье. Родители вяло и без интереса обсуждали планы на завтрашний день, говорили то о деньгах, то о самочувствии. Чтобы не заскучать, я перестала прислушиваться к их

словам и задумалась над вопросом того загадочного профессора. И, возможно, если хорошо подумать, то скоро я узнаю наконец, верить мне в магию или нет. Кто ищет, тот всегда найдет.

Переменчивое освещение, которое на пути домой навело дорожную сонливость, позволило мне разглядеть на браслете расправленные крылья какой-то дивной птицы. Интересно, о чем думала сарматская девушка, надевая на руку это украшение? Кроме того, я заметила на внутренней стороне необычную для браслета круглую выпуклость, похожую на какую-то безупречную геометрическую деформацию. Соответственно с внешней стороны этот «чистый» (без рисунка) круг был немного вдавленным. Несмотря на эту странность, украшение не теряло своей роскошности. Но вскоре это стало мало меня занимать: почему-то очень сильно захотелось спать, будто чья-то гигантская ладонь раскачала колыбель мира, который вдруг перестал меня заботить. Лишь когда папа попытался на руках донести меня до моей кровати, я немного очнулась. Но сон в эту влажную сентябрьскую ночь был таким глубоким, что я решила до утра остаться в этой невидимой глазу колыбели.

Глава III

Лавка древностей

Мама совершила почти что непростительную ошибку. Она завела на семь часов только один будильник, забыв, конечно, о том, что я просыпаюсь только тогда, когда звенят оба будильника. Двое часов: одни для левого уха, другие для правого, – мне просто необходимы, иначе мой сонный ум игнорирует утреннее позвякивание. Теперь, из-за маминой невнимательности, я опоздала на первый урок, на классное сочинение!

– Девочка моя, – зевая, говорила мама, когда я как безумная скакала по квартире в поисках расчески, – ты все преувеличиваешь. Может быть, тебе еще два будильника приобрести?

Наконец я с неподдельным удивлением обнаружила расческу у себя в кармане. Целых три минуты я потратила, чтобы ее найти. Сделав некоторые выводы по этому поводу, я решила совсем не идти на первый урок. Но покой нам только снится! И я смирилась с мыслью, что мне из-за пропущенного сочинения придется остаться после уроков.

Школа, это навязчивое зрению здание, была недалеко от дома – два небольших квартала. Улицы, ставшие частью моего существования, особо меня не напрягали. Во всяком слу-

чае, всегда было за чем понаблюдать. Взрослые и старые деревья возвышались над домами какой-то зеленой, а если зимой, то узорчатой тайной. На геометрических клумбах в исключительном порядке пестрели цветы. И я никогда не пойму тех, кто равнодушен к растениям...

Извинившись за опоздание, я в ответ слышала то, что и предполагала.

– Несмотря на твое небрежное отношение к учебе, Ева Журавлева, – раздельно проговорила учительница литературы, – ты можешь работать самостоятельно. Но! Это не снимает с тебя ответственности. Седьмым уроком ты будешь здесь.

Я даже не пыталась возражать, потому что возражать Светлане Павловне бесполезно. Седьмым – так седьмым.

– О, Ева! Ты вернулась в рай? – мило съязвил Макс, когда я вошла в класс. Все готовились к математике, поэтому в воздухе витали озадачивающие вопросы и всякие звуковые оболочки чисел.

– Прикрой свою наготу, Адам, – сразила я его, и самые стеснительные девчонки мелко захихикали. Макс почему-то посмотрел на свои пыльные ботинки и умолк. Кажется, у всех сложилось такое впечатление, что я не в духе. Но лучше бы никто не обращал на меня внимания.

Математика протрещала как пулеметная очередь из двоек. Я просидела в окопах, и Раиса Алиевна только в конце урока остро на меня взглянула, как на врага народа. Нужно было прожить еще четыре урока, а потом предаться сочине-

нию бессмертной школьной эпопеи.

На большой перемене ко мне, будто непоседливые воробьи, слетелись девчонки. Это было традицией. Я, как обычно, вынула из кармашка сумки гадательную колоду карт. Неожиданно, раскладывая карты, я вспомнила о предмете, который вчера привел меня в восторг. Браслет! Но на моей руке его не было. Целое стадо холодных мурашек в один миг пробежалось по моему сердцу: неужели я потеряла эту драгоценность?!

– О чем задумалась? – спросили меня вдруг.

«О падающих звездах», – ответила я строчкой из любимого стихотворения и тут же собрала карты.

– Ну Ева, ну погадай, – заняла Инга.

– Она себе цену набивает, – снова язвительно заметил Макс.

– У меня сегодня слабое биополе, – придумала я себе оправдание. Так обычно любит говорить Софья Харитоновна.

– Может быть, для защиты поля подогнать танк? – пошутил Юрка Гислер, все это время за нами наблюдавший.

Я улыбнулась ему. Иногда этому парню удавалось остроумно пошутить. В нем была какая-то интересная смесь неуклюжести и уважительности.

– Да, – сказала я, – бронетранспортер здесь не помешает.

Видимо, мои слова ему понравились, потому что он, довольный собой, посмеялся, а потом попросил сесть рядом.

– Красильникова сегодня нет, – так объяснил он свое намерение.

Похоже, что Антон Красильников снова воспользовался отъездом отца, решив весь день провести за компьютером. Странно, но у этого парня напрочь отсутствует чувство времени. Он, конечно, частично живет здесь: ходит иногда в школу, первым бросает волейбольный мяч, перегоняет Гислера, справляется с квадратными уравнениями, словом, – superbой. Но сдается мне, что все остальные стороны его жизни погрязли во всякой виртуальной чепухе. Ведь если это не так, то Антон наверняка вспомнил бы о классном сочинении. Стоп! Кажется, я тороплюсь делать выводы. Впрочем, это отдельный повод для размышлений...

Что делать, когда сама себе надоедаешь? Наверное, причина в чем-то другом. Может, в предчувствии? Я не прощу себе потерю древнего браслета.

– На какую тему вы утром сочиняли? – поинтересовалась я у Юры, чтобы хоть как-то отвлечься от своих грустных мыслей.

– Про Евгения Онегина, – слегка подумав, ответил Юра.

– А кто это? – хотела я подшутить. Юра напрягся и попытался мне разъяснить:

– Онегин – это тот, кто не знал, чем себя занять.

Я удивилась: Юрик, как сказала бы Светлана Павловна, очень своеобразно сформулировал свою мысль. Это радовало. Кажется, с ним без труда можно было поделиться неко-

торами своими умозаключениями. Но хочу заметить, раньше с этим парнем было труднее общаться. Надо заглянуть в его гороскоп. Может быть, звезды в этот период оказывали на него благоприятное влияние, а может, и Красильников. Они оба теперь, как рожденные в одной рубашке.

После уроков мы договорились встретиться в парке. Юрий высказал надежду, что у него получится вызвать Антона в эту реальность. Я деловито сказала: «Отлично» – и отправилась на седьмой урок, специально уготовленный для опоздавших.

Мысли о браслете заставляли меня сомневаться в собственном уме. Во-первых, здравый смысл младенчески пищал мне в ухо, что, вероятно, я преувеличиваю значение этой вещи. Но, с другой стороны, как можно преувеличивать, если украшение, в самом деле, древнее. Во-вторых, если я перестану верить в его древность, то мне придется согласиться, что та записка профессора – сплошная выдумка. Я так глубоко и шумно вздохнула, что Светлана Павловна с подозрением на меня взглянула, сдвинув тонкие очки на кончик своего острого носа.

– Ева, у тебя какие-то трудности? – участливо спросила она. Я к тому времени наваяла свое бессмертное сочинение, и Онегин в моем воображении возвышался большой литературной тенью, мрачной и совсем неизвестной.

– Уже нет, – ответила я и положила кучеряво исписанный листок на священный краешек учительского стола.

– Разве ты не подождешь, чтобы узнать результат? – будто искушала Светлана Петровна.

– На большее я не надеюсь, а меньшего мне не надо, – заключила я неожиданно для себя.

– Что ж, вижу, – лукаво улыбнулась учительница, – у тебя, и вправду, нет никаких трудностей.

Почувствовав себя идиоткой, я в ответ вытянула свою улыбку и попрощалась. Почему-то после общения со взрослыми во мне всегда остается какой-то холодок...

Впрочем, уже с самого утра во мне зреет беспокойство. Наверняка со мной произойдет нечто из ряда вон выходящее. Однако карты, гороскопы и даже кофейная гуща молчат и не подают никаких знаков. Как будто сама судьба стала трусливо прятаться перед грядущим, лишь мне предназначенным событием. Интуиция шепчет мне: то, что произойдет, будет касаться только меня.

Несмотря на смутную тревогу, я решила не торопиться домой. К тому же из школы я сегодня возвращалась одна. Обычно такого не случалось, и поблизости кто-нибудь тараторил об оценках, сплетнях и увлечениях. В крайнем случае, я сама находила себе попутчика по дороге домой. Теперь во все не хотелось что-либо обсуждать, тем более слушать бестолковые или назойливые насмешки своих одноклассников. Хотя в моем классе нет тех, кто особо нравится или, наоборот, раздражает меня, я, к сожалению, а может, к счастью, не знаю, как другие ко мне относятся.

Бывает такое, что ты, например, открываешь свой шкаф, а оттуда высыпается все содержимое, да еще вместе с полками. Точно такой же беспорядок был в моей голове. В чем причина? А в том, что после того, как мысль моя исходила все вчерашние круги памяти, я наконец-то поняла... Древний браслет сарматской девушки был все-таки утерян, к тому же у самого подъезда. Видимо, вчера, темным вечером, когда папа на руках вытаскивал меня из машины, я, как спящий младенец, уронила браслет на асфальт, словно это было не сокровище, а обычная пластмассовая игрушка. Вот он – злой рок!

Укротив свои отчаянные эмоции, я снова обратилась к своему писклявому здравому смыслу. Подошла к ближайшему таксофону, набрала домашний номер.

– Алло! Мам?.. – сказала я и без предисловий спросила, дома ли подаренный Александром Ивановичем браслет. Мама, с трудом припоминая, кто такой Александр Иванович, в итоге ответила отрицательно.

Итак, оставалось лишь сочинять всякие дурацкие объявления, а потом расклеивать их по доскам и столбам, причем на каждом таком просительном листке жирно подчеркивать слово «за вознаграждение». Я в раздумьях присела на скамейку. Боже! Кого я напоминаю?! Какую-то дурочку, которая носится со своими побрякушками, как Курочка Ряба с непробиваемыми золотыми яйцами. Подумаешь, древность, подумаешь, сарматская... Вот так я притупляла себя глупы-

ми мыслишками, пока вдруг, как остроконечным копьем, не сразила меня по-настоящему умная мысль. Но был один всего лишь ничтожный процент ее реальности. А если честно, то умные мысли вообще редко к чему приводят. И я все-таки решила рискнуть, лишний раз проверить свою интуицию.

Антикварный магазин, куда я тут же поспешила, находился напротив нашего дома. Это был ближайший пункт, где предполагаемый человек мог выгодно сдать найденное им украшение. Разумеется, мой здравый смысл готов был подавиться своими доводами. Ведь предполагаемый человек мог оставить браслет в своих владениях или сдать его не сегодня, а завтра или вообще неизвестно когда. Я позволила здравому смыслу ехидно надо мной посмеяться, а потом с уверенным лицом покупателя вошла в магазин.

Колокольчик над дверью «Антиквара» встревоженно поприветствовал меня. Звоночек будто очнулся от тайного унисона, в который органично впадали все старинные вещи, продававшиеся в этом магазине. Здесь красовался хлам любых разновидностей. И пожалуй, чьи-то старые, пожелтевшие письма конца девятнадцатого века были только для гурманов всего того, что плохо укладывается в мозгу.

– Здравствуйте, – поздоровалась я с бородатым продавцом, аккуратно передвигавшим с места на место белоснежные фарфоровые статуэтки разных античных и просто крестьянских красавиц. Бородатый мужчина посмотрел на меня из-за полутемных коричневых стекол своих круглых очков и

пробубнил что-то вроде приветствия. Похоже, я как покупатель не внушила ему доверия. И напрасно, потому что я не стала церемониться и сразу стала говорить по делу.

– Понимаете, вчера вечером я потеряла одно свое украшение, – без стеснения, но с натянутой улыбкой сказала я, и бородач снял очки. Глаза у него были маленькие и, кажется, жадные.

– И чем я могу вам помочь? – недоуменно пожал он плечами.

– Я живу здесь, рядом, и потеряла эту вещицу недалеко отсюда...

Мужчину, конечно, стал раздражать мой детский лепет, но все же он старался казаться вежливым, хотя мог подшутить надо мной или, хуже того, нагрубить.

– Мое украшение драгоценное, – продолжала я. – Это серебряный браслет, на нем еще крылья нарисованы. Такие большие...

Почему-то подумав, что до продавца не доходит смысл моих слов, я показала ему руками, изобразив взмах крыльев. Однако это сработало! И бородач, почесав бороду, улыбнулся.

– Да, помню, – произнес он, и я наострила слух, будто он собирался объявить мне приговор, казнить или помиловать. – Сегодня утром приходил один человек, принес нам такой браслет, но его только что купили.

– Кто?! – вскрикнула я так, что посетители магазина

невольно обратили на меня внимание. В это мгновение я почувствовала в себе такую энергию, что, наверное, была способна из-под земли достать этого злосчастного покупателя.

– Вон та женщина, – спокойно указал мне бородач и после снова надел очки и, пожелав теперь быть в стороне от моих дел, принялся за свою работу. Какая неприятность! «Той женщиной» была не кто иная, как Элеонора Марковна, та дама с искусственными ресницами. Она, наверное, тоже заметила меня. Но к тому моменту, когда я направилась в ее сторону, она попыталась улизнуть и уже выходила на улицу. Я тут же оказалась возле двери, где, преградив путь оттоку ценностей, мило и по-свойски ей улыбнулась.

Безусловно, старушке пришлось вернуть мне браслет, иначе я бы рассказала Софье Харитоновне об этом неприятном происшествии. А это немного подпортило бы репутацию такой светской львице, как Элеонора Марковна.

Облачив свою правую руку в сарматский подарок, я ощутила долгожданный покой. И уже когда я искала в кармашке ключи от квартиры, мне вздумалось узнать, как выглядел тот самый неизвестный человек, который помог мне найти потерянное сокровище. Бородастый продавец антиквариата удивился, но скорее не моему возвращению, а браслету, который мне удалось вернуть.

На вопрос о мужчине, сдавшем украшение в магазин, бородач неторопливо ответил:

– Сколько тут работаю, а такого еще не было... Он зашел,

такой хмурый, в черном пальто. Я сначала подумал, наверное, опять, пьяница какой-нибудь. Но нет. Мужчина сунул мне этот браслет и сказал только: отдайте, мол, в хорошие руки. И ушел. Ни денег, ни что-нибудь взамен не попросил. Вот так.

Я заворуженно слушала его. По пути домой ко мне снова пришла безумная мысль. Неужели этот хмурый, в черном пальто мужчина был... Александр Иванович, тот самый профессор-археолог?!

Да, браслет и события вокруг него приобретают все большую загадочность. И это невольно заставляет меня серьезно взглянуть на древнюю вещь, которая притягивает все мое существо, будто невидимый мистический магнит.

Глава IV

Мистическое воскресенье

На данный момент в этой темной комнате своего детства и юности я желаю только сохранить душевный покой. Ночь. В голове кинолентой крутятся картинки прошедшего дня. Вспомнила о назначенной и по забывчивости не состоявшейся встрече с Юриком и Антоном. Я уже представляю, как они ждали меня в надежде нескучно провести время за разговорами о том о сем. Конечно же, не буду скрывать, мне льстит их внимание.

Однако мыслями о незначительном я сбиваю себя с толку. Но какой толк в бессоннице? Хотя, пожалуй, это не бессонница вовсе. Я чувствую сейчас себя огромным кувшином, в который из горного ручья льется леденящая душу вода. Но вода эта переливается через край, и, кажется, силы моего воображения напрасны...

Но вот что: разве бесполезна вода, питающая землю? Нет, тогда на такой земле могут появиться прекрасные растения. И надо лишь дожидаться солнца. Да, цветы потянутся к теплу и свету. Ну когда же взойдет солнце?

Открыла глаза. Почему часы не разрезвонили о наступившем утре на всю мою комнату? Странно, ведь вчера перед тем, как лечь, я по привычке завела их на семь часов.

Взглянув на время, я поняла, что оно остановилось. Стрелки на обоих будильниках застыли так, что если б они ходили, то часы прозвенели бы через пять минут. Итак, я погрузилась в безвременное пространство воскресного дня. Странно, но факт.

Ночные мысли стали воспоминанием, но между ними и теми, что сейчас, была какая-то пропасть. Такое впечатление, что в эту ночь я летала за тридевять земель... Летала? Я говорю так, будто это правда.

Вопреки здравому смыслу, я не уверена в том, что то событие мне приснилось. И если все-таки это сон, то почему увиденное в нем так прочно и ясно, без лишних эмоций, держится в моем мозгу? Кажется, ничто не переубедит меня. Зрелище, показанное в ночи лишь мне одной, было больше, чем сон, и чудеснее всех тех хитростей, которыми играет мое воображение.

Видение длилось дольше всех мгновений на свете, иначе оно стало бы дешевкой из числа тех, которые подсовывают в жалких книжках об инопланетных цивилизациях. Хотя и такие сплетни и суеверия не появляются просто так. И я, возможно, не единственная в своем сумасшествии. Да, именно в сумасшествии, а как еще можно назвать все то исключительное, что происходит сейчас во мне?

И все-таки тайная осторожность не позволяет мне торопиться с выводами. Главное то, что я не сомневаюсь, как прежде. Спокойное ожидание события поможет ускорить

пророчество...

Если б я могла обладать мастерством художника! Мне нужно было как-то описать свое видение, заключить его в привычную земную рамку или хотя бы в браслет ассоциаций. Я взглянула на древнее украшение. Оно лежало перед зеркалом, на безупречной поверхности которого сверкало солнце. Из-за этого блеска я не усмотрела отражение браслета, как будто он вместо того, чтобы отражаться, потусторонне светился. У меня закружилась голова. Мысли бегали по разноцветным кругам, не находя себе пристанища. Я готова была заплакать, перевернуть все вверх дном, но разве это помогло бы выразить в словах мое видение!

Что ж, оставалось только забыть о нем. Это лучший вариант для того, чтобы разглядеть хотя бы его подобие. Ведь есть где-то другие, более тонкие миры, и они не сравнимы пока ни с чем, что мне известно. Значит, я буду ждать...

День обещал быть почти жарким, но одновременно свежим и душистым, как бывает только бабьим летом. Я встала, взяла в руки браслет. На ощупь серебро украшения было теплым, даже, пожалуй, горячим, будто кто-то уже держал его в жарких и любопытных ладонях. Может быть, таким браслет был от нежности солнца, но, может, кто-то невидимый вложил в него свою энергию. Облачив свою худую руку в этот генератор тепла, я поймала себя на мысли, что украшение и вправду мистическое. И чтобы доказать себе, что это так, я тут же сняла браслет и потрогала ту часть руки,

которую он только что занимал. В самом деле, за несколько каких-нибудь мгновений тот участок на моей коже стал горячим, как от загара. Я подошла к окну и, чтобы лучше разглядеть эффект, подняла руку к свету. Боже, как странно и даже пугающе было то, что я увидела!

На моей чуть загорелой коже алело изображение фантастической птицы, той же, что и на браслете. Ширококрылая птица была будто бы нарисованной огненной кистью небесного божества. Чтобы выяснить происхождение похожего на ожог отпечатка, я снова внимательно рассмотрела браслет. Наружная сторона, как я уже говорила, была украшена необычным и, я уверена, еще никогда не встречавшимся рисунком. Но ко внутренней стороне, кажется, со времен изготовления этой вещи ничто не прикасалось: она была гладкой, абсолютно серебряной и безупречной. И вот другой факт, поразивший меня в то чудное утро. Никакой боли, никакого жжения мое тело не ощущало. И когда я снова надела браслет на ту же самую руку, она перестала чувствовать его, словно благородный металл стал зрительным обманом – галлюцинацией. Однако другая рука – правая – вполне нормально ощущала серебро и весь запечатленный на нем узор.

Первая мысль, панически мелькнувшая в голове, с немым отчаянием прокричала мне: что-то случилось с рукой – она отказалась доставлять в мой мозг знания о внешнем мире. Я вдруг представила, что такое может произойти со всем моим телом. Но, впервые призвав на помощь здравый смысл,

я решила потрогать этой левой рукой какой-нибудь другой предмет. Ошиблась! Я как прежде ощущала все свойства вещей. Ваза на окне все так же была фарфоровой и гладкой. Листья фиалок – мягкими, пушистыми и ворсистыми. И так я чувствовала все, кроме магической связи между браслетом и мной.

Меня переполняло нечто непонятное. Было то же самое, когда я однажды, листая учебник по биологии, наткнулась на небрежные иллюстрации рудиментов человеческого организма. На одной картинке это человек с лицом, полностью обросшим волосами, на другой был изображен хвостатый мальчик. Еще я почему-то вспомнила о сиамских близнецах, которые рождаются со сросшимися туловищами. Словом, вторая эмоция, возникшая во мне, была пугливым призраком отвращения. Я раньше не могла объяснить это чувство, но теперь мне кажется, что именно так приходит страх перед неизвестным.

Рисунок на коже смотрелся как древняя татуировка. Все его линии постепенно стали розоветь, словно небо на восходе солнца. Я отошла от окна, и мистический след прошлого исчез с моей кожи. О свет небесный! Что это?

Пересилив смутение, я заставила свой ум заткнуться и не повторять один и тот же вопрос – ПОЧЕМУ?

Единственным моим решением было – не снимать это украшение, пока не разгадаю его магическую тайну. И я снова змеей просунула худую костлявую руку в браслет. У древ-

него украшения не было застёжки, которая могла бы облегчить его надевание.

Выпив привычный стакан сока, я подумала, что это были все-таки слишком сильные впечатления для утреннего пробуждения. Поэтому душе следовало отдохнуть, и душа вспомнила, что по воскресеньям я имею обыкновение ходить в гости к Диме. Это единственный мой двоюродный брат. Хочу сказать, что, кроме него, у меня нет ни двоюродных братьев, ни сестер.

Школьные друзья уверены в том, что Дима мой парень, и наши отношения с ним более чем дружба. Но оставляю это досужее решение в их власти и не стану рушить те иллюзии, которыми облепило меня общество. Макс, например, за эти слова надо мной посмеялся бы, а Юрка, может быть, призадумался.

Дима старше меня, и у него есть самая хорошая в мире девушка Рита. Я не преувеличиваю, говоря, что она самая хорошая. И вообще мне показалось, что пока только с ними можно поделиться теми чудесными открытиями, которые начались с ночного видения и закончились... Но конец ли это?

Дима жил в самом глухом районе города. Многие, например моя мама, просто не знают всей прелести этой местности и называют ее глухой оттого, что она находится у черта на куличках. Поэтому я никогда не сообщала маме, куда я еду. Всякая поездка к Диме – это секрет. Мой брат – отшельник,

и даже Рита бывает у него нечасто. Его дом – деревянный и старенький, но зато с просторными комнатами, обставленными в неповторимом стиле. Дима и Рита – оба художники. Наверное, я приехала к ним с тайной надеждой на их художественное чутье, которое всегда помогало мне разобраться в себе.

Дверь в доме не запиралась. Я вошла, в дальней комнате слышались их голоса, по которым я скучала всю неделю. Тихо прокрадываясь в зал, я уже представляла, как они сидят, куда смотрят. Наверняка Дима и Рита сидели в широких кожаных креслах за деревянным круглым столиком, пили черный крепкий кофе и говорили об интересных и необычных вещах. О, как мне нравилось бывать с ними в их красивом и спокойном доме!

У меня вдруг возникло желание их чем-нибудь удивить. Может быть, войти не в дверь, а в окно? Все так и было. Я снова вышла из дома, обошла его и, встав перед низким распахнутым окном, тихо спросила сидящих внутри:

– Здесь показывают кино?

Они сидели за столиком точно так, как я себе представляла, и, увидив меня, приветливо улыбнулись. Тут же забравшись на подоконник, не ожидая их ответа, я продолжила дурачиться:

– Я долго искала место, где показывают хорошее кино... А почему вы такие грустные?

– Главное, чтобы кино было интересным, – сказал Дима с

мнимого «экрана» и подошел ко мне. Он взял меня на руки, и, таким образом, я тоже оказалась участницей их кино.

– Мне с вами всегда интересно, – заверила я, и мы все троим традиционно «чокнулись». «Чокнуться» на нашем языке означает радостно поприветствовать друг друга.

Рита, зная мою страсть ко всяким украшениям, сразу заметила браслет:

– О, что-то новенькое! Можно?

Я показала ей прямо на руке, не рискнув снять.

– Очень древний орнамент, – заключила она, взглянув на узоры. – Ты знаешь, что он означает?

Вопрос Риты насторожил меня – ведь я совсем не задумывалась о смысле рисунка. Я села рядом с ней. Кресло было настолько широким и удобным, что мы вполне уместились.

– Вот эти как бы волнистые линии – символ воды, – стала объяснять мне Рита. – Эти, похожие на зигзаги, означают, вероятнее всего, землю. Круги, как солнце, символизируют огонь, а полукруги, которые, словно купола, заключают по краю браслета другие линии, представляют собой образ небосвода – воздушного символа.

– Получается, что эти символы описывают четыре стихии мира? – удивилась я своей мысли.

– Все так, – подтвердила Рита, – этот орнамент – символика мироздания.

– Но что значат эти крылья, они похожи на бумеранг?

Дима, может быть, совсем не слушая нас, принялся делать

какие-то эскизы. Похоже, он начинал новую картину.

– Действительно, странно, – задумчиво ответила Рита. – Но постой, кажется, я знаю... Крылья присущи и земным, и неземным существам: птицам и ангелам. Птицам крылья нужны, чтобы передвигаться, а ангелам, чтобы приносить добро...

– А еще чтобы охранять, а потом забирать души умерших на небеса, – неожиданно для нас добавил Дима.

Мы обе согласились.

– Да! – воскликнула я. – Рита! Я поняла: эти фантастические крылья означают движение духа. Но ведь чтобы летать, душе необязательно умирать. Она может до смерти совершать перелеты.

Брат и Рита молча и удивленно слушали меня, будто я говорила не своими словами, и голос мой звучал по-другому, не так, как раньше.

– Ева, – спокойно улыбнувшись, обратилась ко мне Рита, – с тобой что-то происходит. Ты так взволнована. С этим браслетом, наверное, связана какая-то история?

В эти часы нашей беседы я чувствовала в себе странную и новую силу. Все мои мысли воплотились в одно большое сердце, которое бешено пульсировало, будто я совершаю долгий и упорный разбег для того, чтобы...

– Взлететь, понимаете, – продолжала я, как полоумная, – можно взлететь, чтобы увидеть больше и глубже.

– Но... – начала было Рита, однако за миг до этого я мыс-

ленно – слово в слово – услышала то, что она мне хочет сказать. Поэтому тут же прервав ее, я повторила только что прозвучавшие в моем воображении слова... ее слова.

Все вокруг погрузилось в молчание, и глаза мои были закрыты. Я перестала ощущать себя, лишь сила браслета магнитом удерживала видение, так внезапно возникшее. Оно сопровождалось черной и густой тишиной. На этом страшном фоне, как над пропастью, появились два огромных, горящих ярким пламенем крыла. Я подумала: эти огненные крылья и есть мысли.

– ... Мысли имеют огненную природу, и если этой природой злоупотреблять, то мысли обратятся в пепел, – сказала я, закрытыми глазами видя то, о чем говорю.

– Ты прочитала мои мысли... – слышался мне голос Риты. В этот миг видение потухло, и я вдруг поняла, что все это время мои глаза были открыты. Я увидела перед собой прежние очертания пространства. Дима с Ритой смотрели на меня, как на африканского шамана, который без хирургических вмешательств голыми руками извлек бьющееся сердце из груди какой-нибудь жертвы.

– Нет, – рассеянно улыбнулась я, – это так, нечаянно...

– Ева, ты не могла просто так или случайно точь-в-точь повторить мою мысль, – серьезно сказала Рита.

Брат настороженно прислушивался к нам, будто мы говорили на чужестранном или вовсе новом языке. Я почему-то стала оправдываться:

– Подумаешь, наверное, ты мне раньше говорила эту фразу, вот я ее и вспомнила.

Рита улыбнулась и не стала больше требовать от меня объяснений. Может быть, она поверила в то, что я сейчас сказала. Но я ведь солгала: Рита никогда не рассказывала мне об огненных мыслях...

Мы все трое отчего-то умолкли. Чтобы как-то высвободиться от мысленного оцепенения, я встала с кресла и подошла к Диме.

– Можно посмотреть, – попросила я взглянуть на его эскиз. Он дал мне листок. Не двигаясь, не дыша я держала в руках этот рисунок... Нет! Все, что происходит, кажется, выше моих сил. Карандашный набросок брата до мельчайших подробностей передавал мое ночное видение. Но как?

– Замок в горах. Закат. И... я на спине огромной птицы. Мы летим на восток, где уже ночь, – прошептав эти слова, я потеряла сознание.

Меня привели в чувство, но здравый смысл подсказал, что неплохо бы поспать. К тому же на улице поднялся сильный ветер, в порывах своих кричавший о скором дожде. Рита и Дима были так обходительны и осторожны со мной, как с цветком, за которым ухаживал Маленький Принц из повести французского писателя. Я позволила им убаюкать меня, а иначе они бы беспокоились о моем здоровье до конца своей жизни.

– Дима, – решила я на вопрос, – скажи, ты сам придумал

этот рисунок или где-то уже его видел?

— Да, я увидел его в твоих глазах, — ответил он.

— Нет, ты говоришь как художник, — капризничала я. — Пожалуйста, скажи мне правду!

Но брат лишь умилился моей наивной просьбе. Я ни капельки не обиделась и не огорчилась. Потому что было уже достаточно доказательств той магической связи, которая так странно и загадочно возникла между мной и браслетом. Ведь я предвидела, быть может, самую гениальную картину моего брата. Позже на внутренней стороне моей руки, чуть ниже локтевого сгиба, снова, точно так же, как утром, появился знак птицы. Неужели это предвестие нового видения? Я поцеловала древнюю татуировку. Предчувствую, что я не должна бояться головокружительной высоты своего полета...

Мистическое воскресенье миновало, как тайный обряд посвящения. Что ж, я принимаю этот дар! Как бы в подтверждение моих слов по крыше, по окнам Диминого дома застучал дождь, такой мягкий и убаюкивающий, что я проснулась лишь на заре следующего дня.

Глава V

Тревоги и сомнения

Южная Сибирь. Восточный Саян

Лейла сидела на берегу зеркально чистого озера, окруженного величественным кедровым лесом. Здесь природа по праву своему царствовала. Ни мужество Эль-Хана, ни мудрая кротость Лейлы не способны превзойти красоту и блаженство этой точки мира, отрешенной от злой суеты. Ведь в этой точке поддерживалось равновесие всех стихий, всех душ...

– Защитник мой! – обратилась Лейла к витязю. – Отчего эта спокойная вода не смиряет моей тревоги?

– Твоя тревога иного происхождения, – проговорил Эль-Хан. – И там, куда направлены мысли твои, бушует ветер, нагнетая упругие тучи для резких молний. Там, в той стороне, о которой ты грустишь сейчас, льет сильный дождь.

– Ты прав, Хранитель, – гордо сказала Лейла в ответ. – Меня печалят сомнения. Не ошиблись ли мы, преподав дар столь разумному и догадливому ребенку? Не обман ли это?

Эль-Хан посмотрел на небо, вздутое, как божественное покрывало, и, поразмыслив, заверил Владычицу тюльпановых окраин:

– Дар раскрывается, подобно просвету, который возник в

тучах и стал постепенно озаряться. Отнять у земного дитяти священный браслет – значит приостановить поток света и тем омрачить наш долг.

– Но свет может быть лишь вспышкой заблуждения! – страстно возразила ему Лейла.

– Спор, который ты желаешь затеять, ничего не решит, – мрачно произнес витязь. – В нашей власти – вселить в душу земного дитяти еще больше сил, ибо отнять их мы не вправе.

Подумав, Эль-Хан спросил Владычицу тюльпановых окраин:

– Быть может, природа твоих сомнений совсем иная?

– Ты прав, – печально ответила Лейла. – Ведь не только мы прослеживаем магический путь этих воистину мудрых детей.

Они оба, несмотря на их величественность, пребывали в смятении. Но отступить в таком важном обязательстве означает изменить своим помыслам и помыслам других Хранителей.

Глава VI

Чудеса продолжаются

Изменение обстановки пошло мне на пользу. Привычные ритм и образ жизни казались мне чем-то естественным и непринужденным. Я чувствовала себя свободно и уверенно.

– Привет, Русалка, – поздоровался Красильников, когда, опередив меня, распахнул передо мной двери школы.

– О, не виртуального ли призрака я вижу?! – посмеялась я. – Опять в компьютере жил?

– Ты зря смеешься, – говорил он, пока мы шли к нашему классу. – Иногда мне на крючок попадаете очень даже информативная рыбка.

– Ты о чем, Антон? – продолжала я шутить. – Какие такие рыбки плавают у тебя вместо мозгов?

– У, вредина! – воскликнул Антон и дернул меня за волосы. Похоже, он был неравнодушен к моей шевелюре. – А вот и не скажу, что я знаю!

– Не переживай, я узнаю о твоей информативной рыбке раньше, чем ты успеешь хотя бы обмолвиться о ней, – сказала я и тут же смутилась от неожиданно нахлынувшей самоуверенности. Конечно же, эти слова распалили воображение и любопытство моего собеседника. И Антон сразу же потребовал «угадать» то, что он хотел мне сообщить. Мы уже

опаздывали на урок, и школьные коридоры заметно пустели, наступала тишина... Та самая тишина, которую я ощутила вчера, разговаривая с Ритой.

— Ладно, я просто пошутил, можешь не угадывать, — снисходительно произнес Антон. Его голос будто прилетел изда- лека, а может быть, все наоборот, и это я куда-то улетала.

— Постой! — остановила я его, когда он готов был посту- чаться в дверь класса. — Я знаю, о чем ты хотел рассказать... Ты нашел в Интернете сайт, где приглашают совершить кру- из по Волге... Ты подумал, что было бы хорошо взглянуть на земли, где обитали древние скифы и сарматы... Ведь тебя с недавних пор стали впечатлять всякие древности.

Тихо произнося все это, я внутренним зрением следи- ла, как передо мной проплывали волжские дали, прибреж- ный песок и высокие широколиственные леса. Потом я вдруг увидела бескрайнюю степь на рассвете. Но это последнее ви- дение вдруг резко оборвалось — что-то не позволило мне его досмотреть.

Я договорила и, все так же тяжело и пронзительно смот- ря ему в глаза, рассмеялась. Мои слова оказались правдой, потому что Антон вдруг застыл с глупо поднятыми кверху бровями. Не знаю, побледнел он или нет, но я почувствова- ла какую-то прохладу между нами... Как будто он мыслен- но сбежал от меня, испугавшись моих слов и оставив после себя невидимый ветерок перемен. Да, думаю, именно с этих пор его отношение ко мне переменится. По крайней мере,

он, прислушиваясь к тому, что я говорю, будет осторожен и серьезен. А мне только этого и надо. Не сказав друг другу ни слова, мы вошли в класс, но даже не обратили внимания, что команда «смирно» пока не прозвучала, и одноклассники вели себя вольно. Учительницы еще не было.

Через пару минут Антон снова заговорил со мной. Он легко и быстро подошел к моей парте, всем своим видом показывая, что вовсе не удивлен тому, что я тоже поймала его информативную рыбку.

– Интересно, что мы оба наткнулись на этот сайт, – сказал он, предположив, вероятно, что и я на днях лазила в Интернет. – А ты бы хотела на Волгу?

Ну что мне оставалось сделать, как не притвориться? Пришлось обмануть парня, успокоив его на том, что да, да, – это с помощью компьютерных уловок на моем крючке оказалась такая же рыбка, как у него. Хотя на самом деле уже несколько дней я не помню о существовании Интернета. А на вопрос, хочу ли я поехать на родину древних скифских и сарматских племен, мне не удалось ответить – начался урок.

Это было третье видение, и мне стало казаться, что в них есть какая-то закономерность. И закономерность эта связана с браслетом. Значит, если я разгадаю тайну украшения, то пойму, что же со мной сейчас происходит. Хотя у меня вполне могла просто поехать крыша. Однако на счету рассудка имеются доказательства, причем достаточно веские. Самое свежее доказательство поступило только что. А именно: я

никогда не бывала в волжских даях. На уроках географии я не очень-то внимательна, но все-таки знаю, что мой город Псков находится на западе страны. А Поволжье, если мне не изменяет память, расположено в юго-восточной части. Что стоит за этим географическим контрастом? Мои вопросы не случайны и блещут, как золотая цепь на толстой шее у богатого дядюшки.

Занятия отзвучали так быстро, будто видеокассета в ускоренном темпе перемотки. У меня появилась идея, которую я немедленно должна была воплотить. Собственно, для этого я поспешила домой. Спускаясь по школьной лестнице, пустующей перед новым штурмом уже второй смены, я нечаянно подслушала разговор Юрки и Красильникова.

– Да точно, она ненормальная, – полушепотом говорил Антон.

– Это не секрет, – ответил ему Юрка.

– Ты бы видел ее глаза! Они сверкали, как у Угля!

– Слушай, – посмеялся Юрик, – ты что, влюбился в нее? Глаза как два угля, ля-ля, ля-ля...

– Тихо! – оборвал его Антон, услышав мои шаги. – Распелся тут.

Я спустилась к ним навстречу, мило улыбаясь.

– Вы домой? – как обычно спросила я. Антон как-то хитро взглянул на меня.

– Да, а ты? – поинтересовался Юрик.

– Ты и я идем в гости к Красильникову, – живо ответила

я, и оба от всей души изумились. По крайней мере, их лица выразили недоумение.

– Зачем?! – наконец обрел дар речи Антон.

Мы вышли из школы. Сентябрьское солнце прогревало до мозга костей, и я, посмотрев на небо, как изнеженная кошка, зажмурила глаза.

– Что? Ты не приглашаешь нас с Юркой к себе в гости? – продолжала я дурачить парня. – Понимаешь, мне срочно надо посоветоваться с твоим котом об очень важном деле.

– Ха! – воскликнул Антон. – А ты уверена, что Уголь захочет с тобой общаться?

– Уверена, – спокойно и нагло ответила я. – Кошки и ведьмы всегда ладят между собой. Ведь ты, Антон, считаешь меня ведьмой, так?

Он обратился к Гислеру, который в этот момент шел молча, думая о чем-то:

– Я же говорил – она ненормальная.

Юрка пожал плечами.

– Ладно, мальчики, не переживайте так, – успокоила я их. – В гости как-нибудь в следующий раз. А сейчас за мной Кирсанова бежит в ожидании, что я нагадаю ей завтрашнюю удачу.

Мы шли не оглядываясь, но как только я сказала об Оле, они оба обернулись, а потом снова с удивлением посмотрели на меня. Сзади нас с трепетавшими на ветерке блондинистыми кудряшками действительно торопливо шла Оля Кир-

санова. Я остановилась. Я предвидела то, чем буду заниматься в ближайшие пятнадцать минут.

– Ева! Ты не спешишь? – пролепетала она, подбежав ко мне. – В школе я совсем забыла попросить тебя... Это, наверно глупо, но, пожалуйста, погадай мне на завтрашнюю удачу.

Я улыбнулась ей, тем дав свое согласие. Бросив осторожный взгляд в сторону друзей, которые были свидетелями моей непонятно откуда взявшейся проницательности, я заметила, что Антон стал подозревать меня в ясновидении. Что ж, в таком случае и он не в своем уме...

Попрощавшись со своими попутчиками, я сказала Оле:

– Завтра у тебя в музыкальной школе будет экзамен, и ты хочешь узнать, повезет тебе или нет?

– Да... – растерялась она, но потом, долго не думая, спохватилась: – Знаешь, я и сама уверена, что без проблем спою этот романс.

– Но почему тогда хочешь, чтобы я тебе погадала? – решила я приструнить эту певчую птичку.

– А просто так – от нечего делать! – легкомысленно произнесла Оля. Ее намерения мне стали понятны – Кирсановой просто скучно идти домой без подруг, а мы жили с ней в одном дворе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.